

чении хакасского языка к Н.Ф. Катанову, снабдившему его своими лингвистическими работами. В. Кузьмин, довольно быстро овладевший сагайским диалектом, был автором многочисленных статей на религиозные темы и даже повести "Абыс" (священник). Кроме того, этот миссионер неоднократно вел диспуты с сектантами (молоканами и субботниками села Иудино), подробные записи которых он также публиковал (с. 33).

Важнейшей составляющей процесса христианизации было открытие церковно-приходских школ, сведения о которых также представлены А.Н. Гладышевским в его книге. Священники, чтобы сделать этот процесс необратимым, прибегали к помощи родовых старост. Например, Н. Орфеев способствовал проведению схода родовых старост Сагайской степной думы, которая приняла относительно создания школ специальное решение (с. 23). Число школ на протяжении XIX столетия постепенно увеличивалось. Например, на территории небольшого Ново-Марьясовского прихода (граница Минусинского и Ачинского уездов), существовавшего с 1858 г., к началу XX в. было две школы, в которых обучалось 70 детей (с. 67), причем школы открывались не только при церквях, но и в больших деревнях.

Раздел "Церковные приходы после 1917 года" представляет ситуацию после принятия декрета СНК от 23 февраля 1918 г. "Об отделении церкви от государства и школы от церкви". Автор цитирует документы об изъятии церковных ценностей, об обновленческом расколе в Енисейской епархии (с. 74–76), а также о начавшихся гонениях на служителей культа, в том числе и шаманов. Здесь приводятся данные о взимании солидных налогов ("поп – не менее 20 рублей, дьякон – 8 рублей, дьячок – 4 рубля, шаман – от 5 до 20 рублей"), о лишении избирательных прав с 1924 г. (164 человека, из них 46 русских и др. национальностей, а 118 – хакасов), о закрытии церквей в 1920-е – 1930-е годы (с. 76–77). Вместе с тем автор скрупулезно цитирует документы советских времен, где не только признаются факты перегибов в антирелигиозной работе, но и указывается на ее недостатки: "Таштыпский Райисполком в борьбе на антирелигиозном фронте вел неправильную линию, борясь с шаманами методами запугивания (сейчас приедут красноармейцы и будут стрелять), которые не только не ослабляли религиозного фанатизма, а наоборот, усиливали его" (10 марта 1929 г.); "...особое внимание обратить на недопустимость изъятия предметов личного потребления обихода, предметов культа (иконы, бубны, церковная утварь, тому подобное)" (1931 г.). Книга заканчивается данными об оживлении религиозных процессов в период Великой Отечественной войны и напоминанием о замечательном человеке – хирурге и богослове В.Ф. Войно-Ясенецком – епископе Луке, отбывавшем ссылку в Красноярском крае и возглавившем во время войны хирургическое отделение эвакогоспиталя № 1515 в г. Красноярске, а в 1946 г. удостоенном Сталинской премии 1-й степени. Последний штрих как нельзя лучше свидетельствует о неоднозначности идеологических и религиозных процессов не только на территории Хакасии.

ЭО, 2006 г., № 3

© Ю.Д. Анчабадзе. Рец. на: *И.А. Морозов, И.С. Слепцова. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.)*. М.: Индрик, 2004. 920 с., илл., прилож.

Авторы поставили перед собой поистине грандиозную задачу, которая, на первый взгляд, должна была бы стать непосильной для исследовательской группы, состоящей всего из двух человек. Действительно, сформулированные во введении познавательные цели обозначили перед И.А. Морозовым и И.С. Слепцовой практически безграничное исследовательское поле. Его территориально-географические рамки охватывают всю Вологодчину, при этом конкретный материал, опять-таки исходя из сформулированных целей, должен был представить специфику едва ли не всех уголков края. Историографическое наследие, подлежащее в данном случае осмысле-

Юрий Дмитриевич Анчабадзе – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

нию и анализу, составляет один из самых богатых разделов этнографической россики, и это еще более усложняло задачу авторов, которым надлежало включить весь этот литературный массив в интеллектуальный и источниковый контекст своей работы. При значительном объеме описательно-фактографического материала дескрипция составляла лишь часть исследовательской задачи. Не менее важным для авторов было теоретическое осмысление представленных материалов, их классификация, определение места и значения игровых практик в системе этнической культуры. Понятно, что эта задача также не из легких, но именно с нее авторы и начинают.

Для И.А. Морозова и И.С. Слепцовой игра – это "культурный факт", "культурный механизм", важное наследие народного опыта. Сущностным признаком игры является "комбинаторность", т.е. возможность спонтанного и непредсказуемого набора и соединения элементов окружающего мира; именно это образует игровой сценарий и соответствующее игровое пространство бытовой культуры. В этом же главное отличие игры от праздника, устойчивый каркас которого образуют неизменные, заданные традицией ритуально-обрядовые формы. Для авторов не менее важно развести понятия "игра" и "ритуал". Линию разделения И.А. Морозов и И.С. Слепцова видят в том, что, в отличие от комбинаторности игры, ритуал лишь пассивно воспроизводит традицию.

Эти теоретические подходы, чрезвычайно плодотворные в первой своей части, во второй, на мой взгляд, уязвимы своим слишком жестким и прямолинейным противопоставлением игры и ритуала. Ведь многие игровые формы имеют, с одной стороны, нормативный характер, и их комбинаторность порой не превышает вариабельность ритуала, всегда допустимую при его конкретном воспроизведении. С другой стороны, хорошо известно, что игра часто является частью обряда или ритуала, либо сопутствует им, оставаясь разрешенным времяпрепровождением в сакральный период. В этом отношении чрезвычайно интересен анализ И.А. Морозовым и И.С. Слепцовой "типов ситуаций, в которых возникает игра": это ситуации перехода из одного состояния в другое (из небрачного в брачное, из одной социальной группы в другую и т.п.), ситуации начала и конца (календарного периода, события, работы и др.). Данные наблюдения авторов очень важны для понимания сущности и дефинирования понятия "игра".

Другим важным шагом в этом направлении должен стать более детальный анализ самих игр и многочисленных игровых практик. И.А. Морозов и И.С. Слепцова рассматривают их в рамках сформулированной ими концепции игры как важнейшего механизма консолидации социума. Анализируя различные формы межгрупповой игровой коммуникации, авторы прослеживают два взаимосвязанных и одинаково важных для жизни социума процесса – "добровольного сплочения" и социального контроля. В убедительных интерпретациях И.А. Морозов и И.С. Слепцова показали, каким образом воспроизводятся процессы эффективной консолидации группы, протекавшие в таких игровых формах, как молодежные посиделки и свозы, игрища и гуляния, обходные церемонии, соревновательно-игровые действия во время трудовых процессов и др.

Игра была не менее эффективным механизмом социального контроля. Авторы выделили обширный репертуар игровых форм, в которых явственно прослеживаются элементы инициационно-испытательного типа, а также элементы давления и принуждения, порой репрессивного характера, с использованием осмеяния, устрашения и иных мер воздействия и наказания, вплоть до физического. И.А. Морозов и И.С. Слепцова не без основания рассматривают этот игровой тезаурус как инструмент социализации и социального контроля общины, под влиянием которого индивид выстраивал общественно приемлемые жизненные стратегии.

Спору нет, классификация хороша, однако до той поры, пока авторы не пытаются вместить в нее все известные им факты. Между тем некоторые из них, на мой взгляд, выпадают из предложенных рубрикаций. Например, пирования и братчины. Без сомнения, это был весьма действенный канал внутриобщинной коммуникации, выполнявший одновременно и консолидирующие функции "добровольного сплочения". Однако на основании того, что в структуре обычной содержалось немало зрелищно-игровых элементов, вряд ли оправданно рассматривать пирования и братчины в системе именно *игровой* коммуникации. Более корректно авторы анализировали, например, трудовые процессы, где классифицировались сопутствующие им соревновательно-игровые формы, но никоим образом не сами трудовые действия.

Впрочем, в народной культуре пограничные зоны всегда размыты и неотчетливы, что обуславливает порой вторжение исследователей в "посторонний" в данном случае для них материал. Эти казусы дают возможность рецензентам говорить о степени строгости, с которой авторы подходят к фактографическому наполнению своей классификации, но, с другой стороны, премного украшают и обогащают само исследование, превращая его в кладезь разнообразной информации, имеющей порой уникальный характер. Рассматриваемая монография – яркий тому пример.

"Круг игры", на мой взгляд, в известном смысле подвел черту под описательной стадией изучения севернорусской игровой традиции. Усилиями И.А. Морозова и И.С. Слепцова читателю представлен едва ли не весь обширный репертуар народных игр, бытовавших на Русском Севере в XIX – первой половине XX в. Подробно описаны содержание игр, их сценарий, условия и обстоятельства проведения. Рассматривая бытование соответствующих традиций, И.А. Морозов и И.С. Слепцова фиксировали их вариативные формы от района к району, едва ли не от села к селу, не пренебрегая описанием даже незначительных изменений игровой практики, наблюдаемых, например, в соседних деревнях.

Подробно описываются материальные атрибуты праздничных игр и развлечений: важно, что некоторые из описанных объектов можно соотнести с их же изображениями, данными в небольшом, но тщательно подобранном авторами иллюстративном ряде, помещенном в приложении к монографии. Полнота исследовательской дескрипции достигается также внимательной фиксацией авторами вербальной составляющей игровой культуры. И.А. Морозов и И.С. Слепцова приводят многочисленные примеры песенных текстов, пословиц, поговорок, сопровождавших игровое действо. Отметим попутно, что извечную дилемму, неотвратимо встающую перед публикаторами фольклорных текстов, авторы решили в пользу стыдливых отточий, замещающих ненормативную лексику оригинала.

Одним словом, обобщенные и систематизированные авторами литературные сведения, архивные свидетельства, собственные полевые наблюдения столь полно и разносторонне фактографировали проблему, что дальнейшие попытки расширения нарративного знания вряд ли смогут внести существенные коррективы в реконструированную картину. В то же время введенные монографией в научный оборот материалы сами по себе предоставляют большие возможности для дальнейшего анализа, сравнений и обобщений. Впрочем, И.А. Морозов и И.С. Слепцова эти возможности не упустили, так как характеристики изучаемых объектов обычно даются ими в широчайшем исследовательском диапазоне.

Так, авторы внимательно анализируют особенности бытования игровых практик в разных возрастных срезах крестьянского социума. При этом факт наличия более разнообразного и обширного репертуара в молодежных когортах, помимо прочего, полностью укладывается в авторскую концепцию о социализирующих и контролирующих функциях игровой сферы бытовой культуры. В поле зрения авторов находятся гендерные аспекты проблемы, развитие и модификация игрового репертуара под влиянием новационных черт, прежде всего в результате воздействия городских традиций, и многое другое.

Чрезвычайно интересны наблюдения над нормативными аспектами игрового поведения, например, в танцах. По традиционным народным представлениям, девушке и женщине "парня и мушину переплясывать ни в коем случае нельзя". Для женской и девичьей партий пристойным и желательным считалась степенность: "как будто плывет, сарафан не шелохнется, голову держит прямо, несколько свысока; по сторонам не смотрит". И хотя И.А. Морозов и И.С. Слепцова для конца XIX в. отмечают некоторые изменения танцевального этикета, тем не менее было бы не лишним, чтобы эти наблюдения этнографов стали известны современным хореографам, норовящим придать рисунку русского женского танца нарочитую разухабистость с набившим оскомину штампом – кружением танцовщиц по сцене, с неизменным вздыманием верхних одежд и демонстрацией зрителю исподних юбок – что совершенно недопустимо для народной танцевальной традиции.

Не могу не сказать о приложении. Помимо прочего, оно содержит словарь малопонятных слов, выражений и терминов – вряд ли есть необходимость объяснять, сколь важен этот глоссарий для читателя данной монографии. Однако подлинное восхищение у меня вызвал предметно-

тематический указатель. К сожалению, авторы часто пренебрегают его составлением, иногда, возможно, по недомыслию, а иногда по лени (понятно, дело это в некотором смысле рутинное и утомительное), однако отсутствие указателя, безусловно, снижает исследовательский и энциклопедический уровень соответствующего научного опуса. Что касается рецензируемой работы, то И.А. Морозов и И.С. Слепцова продемонстрировали, на мой взгляд, идеальный вариант подготовки указателя: он подробный, детализированный, его структура тщательно продумана, умна. Это не просто ключ к нахождению нужных и заинтересовавших читателя сюжетов в довольно пухлом текстовом объеме "Круга", но и сам по себе – интереснейший образец исследовательского и методологического подхода к составлению классификатора описываемого и анализируемого материала.

В заключение отмечу, что "Круг игры" – столь многоаспектное и многосюжетное исследование, что в небольшой рецензии практически невозможно остановиться на всех проблемах, заслуживающих заинтересованного обсуждения. Последнее уже идет¹, и это естественно. Монография И.А. Морозова и И.С. Слепцовой представляет собой энциклопедический труд, который знаменует важный этап историко-этнографического изучения интереснейшего пласта культурной традиции Русского Севера. Не побоюсь высказать предположение, что годы спустя "Круг игры" войдет в список классического наследия отечественной этнографической науки.

Примечание

¹ См., например, весьма дельную рецензию: *Дементьев В. О вологодских праздниках (И.А. Морозов, И.С. Слепцова. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004 // Москва. 2005. № 3. С. 210–212.*